

Алексей Ветров
Архангельский

Непокорные

Повесть

Алексей Ветров Архангельский

Непокорные. Повесть

«Издательские решения»

Ветров Архангельский А.

Непокорные. Повесть / А. Ветров Архангельский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855459-9

Данная повесть основана на реальных событиях и рассказывает о непростой судьбе обыкновенного сельского парня, оказавшегося в годы войны в самой гуще событий. Тяготы и лишения военной службы, ранения, годы репрессий не сломили героя и он пройдя всё находит в себе силы чтобы жить дальше.

ISBN 978-5-44-855459-9

© Ветров Архангельский А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Дед Стефан	7
Глава 2. Рассказ деда	9
Глава 3. Гражданская война	12
Глава 4. Николай	14
Глава 5. Наступление	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Непокорные Повесть

Алексей Ветров Архангельский

© Алексей Ветров Архангельский, 2024

ISBN 978-5-4485-5459-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Уважаемые читатели!

Перед Вами повесть, основанная на реальных событиях и созданная по устным воспоминаниям непосредственных её фигурантов – участников Великой Отечественной Войны. В ней рассказывается о непростой судьбе обыкновенного, сельского парня оказавшегося в самой гуще происходящего. Здесь кратко описываются эпизоды жизни крестьян в царское время, тяжёлые годы революции, гражданской войны. Главному герою повести – Николаю предстоит пройти сложный путь испытаний войной, воочию увидеть и почувствовать на себе её ужасающие реалии. Время репрессий отнимет лучшие годы его жизни, которые он проведёт в заключении по ложному обвинению, но оно не сможет сломить его дух, веру в победу, в будущее, в самого себя.

Пройдя все круги ада, он, не смотря ни на что, останется непокорным и прежде всего человеком, найдёт в себе силы вернуться к нормальной жизни, создать семью, воспитать детей.

Находясь на трудовом фронте, он продолжает бороться с несправедливостью, но, не находя поддержки коллег, не опускает руки и идёт до конца, пробивая брешь в стене бюрократии и безразличия существующей власти.

Некоторые имена и фамилии, а также географические названия населённых пунктов изменены. Посвящается моему отцу. Возрастное ограничение 18+. С уважением, автор.

Глава 1. Дед Стефан

Лето в этом году выдалось жаркое и засушливое, и даже после кратковременного дождя влага моментально испарялась под лучами огромного солнечного диска, не успев пропитать почву. Возможно, из – за этого, дела на бахче деда Стефана шли невесело. Всё, что было посажено, засыхало, да и мыслимо ли дело ходить и поливать огромное поле? Зато на колхозных полях, расположенных неподалеку, ситуация была куда лучше, но Стефан не завидовал этому и всегда говорил, что какое – никакое, зато своё и наотрез отказывался вступать в колхоз. На этот счет у него было свое мнение и его разделяли многие односельчане, крестьяне – единоличники. Село Боровое Курской губернии (ныне Белгородская область) было средним по величине и площади, всего около 70 дворов. Хаты были саманные мазанки (глина с примесью соломы), как и везде с соломенными крышами, простые, но добротные, окруженные забором – плетнем. У каждого свое хозяйство – крупный рогатый скот, свиньи, овцы, гуси, куры, а у некоторых и лошади. Благодаря местному климату урожай собирали дважды и в доме всегда изобиловали свежие овощи и фрукты. Сад Стефана – это его особая гордость, что только тут не было! Знал он в этом толк и сам ухаживал за деревьями, а из плодов, которые перезрели, умел изготавливать отличный самогон, запас которого у него всегда был недюжинный, на всякий случай.

Им всегда можно было расплатиться за услугу, обменять, на что – либо или просто выпить по стакану и вести задушевную беседу.

Жили скромно, но ни в чем не нуждались, трудились на своей земле, не представляя себе другой жизни, не так много нужно простому человеку для спокойствия души, день прошел, слава Богу.

Стефан Таранцев – крепкий, широкоплечий старик, роста выше среднего с сильными жилистыми руками и седой клинообразной бородой, набожный, всегда носил нательный крест, любил шутить и рассказывать разные смешные истории. Бывало утром зайдут к нему внуки, а он руку протянет, поприветствовать, и пожимает так, как взрослому, но не сильно.

– Какие у тебя дедушка руки крепкие, скажет один из внучат. А дед говорит:

– Конечно, я же в молодости руками подковы разгибал. Все удивляются, а дед, смеясь, добавляет:

– Но не разогнул, правда, ни одной...

Стефан был «рукастым», как говорят, на все руки от скуки. Инструмент сам изготовит, а потом при помощи его что угодно смастерит, начиная от колеса для телеги и заканчивая коромыслом. Для хозяйства все нужно было. И все это он любил делать своими руками.

Родители его умерли рано, и он почти совсем не помнил их, воспитываясь под присмотром родной тётки.

Жизнь в Боровом шла тихо и размеренно, все на виду, все друг друга знали и не столько по имени и фамилии, сколько по прозвищу. Таков уж был уклад сельской жизни.

Молодой Стефан не мог тогда знать, что судьба вскоре неоднократно бросит его в кровавую мясорубку ради идеалов Отечества, а отстояв эти идеалы, он окажется не нужным своей стране. Однако, выстоит, оставаясь непокорным, воспитает четверых детей, трое из которых будут также как он, служить своему Отечеству, а старшему, Николаю, повторив историю отца, предстоит испытать то же что и ему. А сейчас, вспоминая прожитые годы, он часто любил сидеть в одиночестве, иногда разговаривал сам с собой, ежедневно молился тяжело вздыхая.

Сад, хозяйство и дом, а точнее все, что от него осталось никто из детей принять, как наследство не захотел. Стефан продал его и теперь проживал в основном то у старшего сына Николая, то по очереди у двух других сыновей, живущих в разных городах нашей необъятной страны. Так и ездил туда – сюда.

– С кем это ты дедушка всё разговариваешь? спросил как то самый младший из внуков Алёшка.

– Да вспомнил, вот как молод был, войну вспомнил...

Глаза деда слегка заблестели, а на морщинистом лице появилось выражение досады. Он разгладил седую бороду и неторопливо начал свой рассказ.

Глава 2. Рассказ деда

Стефану тогда семнадцать лет было, когда революция началась. В царской армии послужить не успел, молод был, да и что понимал? Ощущение перемен пришло не сразу, а только когда докатилась советская власть и до его села. Вооруженные люди пешие и на лошадях, с красными флагами заходили в каждое село и объявляли, что царя больше нет, и отныне советская власть будет управлять страной. Людям по большому счету все равно было, кто будет управлять, лишь бы работать на земле не мешали да не трогали. Но вышло иначе. Свои провозглашённые обещания «Власть Советам. Мир народам, Земля крестьянам» в жизнь претворять никто не торопился. Новая власть принесла с собой и навязала людям новую идеологию, свою диктатуру, а с ней пришел и террор. Принципы правления советской власти ужасали: «Кто не с нами – тот против нас, нет человека – нет проблемы». Но ломать – не строить. Разрушая институты государственности, наделяя чрезвычайными полномочиями своих представителей, советская власть не скупилась в выборе средств. Ведь власть нужно было удержать любой ценой, и тут было уже не до лозунгов, все средства хороши. Во – первых, нужно было сосредоточить в своих руках то, без чего ни одна власть и дня не продержится – продовольствие. А где ж его взять, как не у народа. Те, кто свергал царя и собрал под свои штыки огромные массы рабочих и военных об этом как то не подумали – времени не было. Но голод не тётка вот и решили отобрать «излишки» у крестьян, попросту узаконив грабёж, объявив наиболее зажиточных – кулаками. Представьте себе: вы трудились не покладая рук на земле, чтобы жить от урожая до урожая, а к вам приходят от имени новой власти и забирают последнее. Конечно, никто не хотел отдавать, люди сопротивлялись, и таких было немало.

В села приезжали на подводах, забирали, не спрашивая, все: зерно, муку, крупу. Как и чем будут жить люди – никого не интересовало. И всем этим управлял человек, обещавший крестьянам землю, которую они так и не получили, обещавший мир народам, залив его кровью террора, на которого молились как на бога, но при этом разрушали храмы. В честь его устанавливали бюсты и памятники, переименовывали города и улицы, создавали колхозы и совхозы, называя их его именем. Выпускали книги, посвящали стихи и песни, укрепляя власть, создали партию РКП (б), а позднее КПСС, которая семьдесят с лишним лет была руководящей и направляющей всеми сторонами жизни народа: экономикой, политикой, культурой, аграрным сектором, социальной сферой. Все что не укладывалось в парадигму партии от кого бы это ни исходило, тотально преследовалось. Никакой другой идеологии не признавалось, все иные проявления взглядов на власть объявлялись враждебными и контрреволюционными. Наказания были предельно жестокими ссылка, высылка. Была в то время и смертная казнь. Но история дала этому заслуженную оценку. И того, на кого тогда молилась вся страна – объявили фанатиком, помешанным на власти кровавого террора, тоталитаризма и диктатуры.

Рано утром в хату Стефана постучали. Он вскочил с лавки. Тетка Мария лежала на печи. Натруженная непосильной работой по хозяйству спина ее болела, не давая повернуться.

– Стеша, открой, сказала она. Стефан открыл дверь. На пороге стояли люди в военной форме с оружием. Они сразу спросили, где хранится мука и зерно. У дома стояла лошадь, запряженная в повозку на которой уже лежали мешки, собранные с соседских домов.

Стефан указал на небольшой амбар:

– Все, что есть там.

Один стоял возле хаты, двое пошли в амбар. Возвратившись оттуда только с одним мешком пшеницы, один из солдат прикрикнул на Стефана:

– Ты что издеваешься, кулацкая морда?! Говори где остальное!

– Нет ничего больше! ответил он, непонятно почему чувствуя себя виноватым. Никто ничего не объяснял, на каком основании люди должны были отдавать свои последние продукты питания принудительно, незнамо откуда взявшимся военным.

– Ты в хате поищи, крикнул второй краснощёкий солдат, чую там заховали! Оба солдата с оружием пошли в хату, зайдя стали все переворачивать вверх дном, но ничего не нашли. Краснощёкий заорал на тетку Марию:

– Что сука лежишь! Где хлеба прячешь, говори!

– Не трогайте её, больная она, робко сказал Стефан. Но краснощекий уже оттолкнув Стефана, подходил к печи и стал стаскивать тетку за ноги.

– Что ж вы окаянные делаете, управы на вас нет! Нет у нас ничего! только и успела сказать Мария и, ударившись головой об пол, затихла.

– Сволочи! Кричал вслед им Стефан, что вы сделали! Но те уже ничего не слушали, не обращая внимания, выходили из хаты, матерно ругаясь, направились к сараю, где рядом под навесом стояла лошадь.

– Давай её сюда, орал краснощёкий, хлеба суки попрятали, заберём тогда хоть лошадь.

Кобыла Зорька признавала только Стефана. Он кормил, ухаживал за ней и очень её любил. Вряд – ли она послушается чужого. Увидев посторонних, она стала храпеть и метаться, не подпуская к себе. Но краснощёкий, уже войдя в раж каким – то образом, вскочил ей на спину, обхватив за шею.

– Никуда не денешься, я не таких объезжал, приговаривал он. Зорька вдруг рванулась в проход и понесла седока, но недолго. Она, резко остановившись, встала на колени, и краснощёкий кубарем плюхнулся на землю, до крови разбив лицо.

– Ах ты тварь безродная! успел крикнуть он, и тут же получив удары копытами в лицо и грудь, упал без движения.

– Зорька! Беги! Уходи! Кричал выскочивший из хаты Стефан, размахивая руками и прогоняя лошадь.

– Беги! Но второй солдат уже целился в неё из винтовки.

– Твоя кобыла покалечила представителя власти! Никуда она не уйдет, сказал он, спуская курок. Раздался грохот выстрела...

Нагруженная подвода в сопровождении солдат удалялась. Неподдалёку от хаты, обняв за шею лежавшую лошадь, содрогаясь всем телом, беззвучно плакал Стефан.

– Ну, всё, хватит, хватит, так убиваться! Хорошо самого не пристрелили! успокаивал Стефана сосед Мишка Пеньков.

– У нас тоже все выгребли! Даже масло подсолнечное было в бочках и то забрали. Но ничего, авось совсем с голода не подохнем.

– У Палашихи, вон куры есть, У Блошкиных барашек да пара овец, да и сад ведь есть, поди, не повытрясли.

Тетку Марию похоронили через три недели. И так – то у неё здоровья уже не было, с утра до вечера в работе без продыху. А тут эти сволочи, понаехали. Пожила бы, может еще, если б тогда так сильно головой не ударилась. Хоронили всем селом. На поминках обсуждали, что да как, да почему, а человека – то нет, не вернешь уже. И жаловаться некому. Остался Стефан один.

– Стеша, ты приходи к нам, что один – то теперь, предложила Евдокия Потапова. Симпатичная девчонка была чуть постарше Стефана и жила через три хаты от него. Стефан ей очень нравился.

– Не стесняйся...

– Да не стесняюсь я, ответил Стефан. Приду сегодня...

Проходя мимо сельсовета, на стене которого был прикреплен красный флаг с изображением серпа и молота, Стефан услышал доносившуюся из открытого окна мелодию: «Мы наш мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем!»

Он недоумевал: кто и что собрался строить? Все что было, разрушили, ограбили крестьян, ничего, по сути, не изменив, кроме того, что снова разделили страну и натравили одну часть населения на другую. Но это было еще не всё. Сделав крестьян нищими, им не оставили выбора: или поддержать власть, или убьют. А не убьют – так с голода помрешь, ведь хозяйство разорено, а жить как то надо.

Глава 3. Гражданская война

Дед, прищурившись, вытер платком свой, слегка горбинкой нос и продолжал.

– Всякая загадка только тогда, кажется простой, говорил он, когда ты заранее знаешь ответ...

Но подсказывать было некому, как быть и что делать. Время шло, и ответы приходили сами собой. Из двух зол, говорят, надо выбирать меньшее. И время этого выбора настало. Не согласные с советской властью объединялись против неё, стали образовываться не только банды, но и целые армии. Новая власть призывала всех на борьбу с ними. Молодому двадцатилетнему парню трудно было разобраться, где тут свои, а где чужие. Везде свои, отец против сына воюет. За одних пойдешь – другие убьют. Но когда на село стали нападать бандиты и творить бесчинства, стало понятно, что настоящая власть только та, которая не допускает подобного, карает тех, кто такое учиняет. Так, во всяком случае, казалось тогда Стефану, и он записался добровольцем в Красную армию, воевать за свое Отечество, за советскую власть. За годы войны он участвовал во многих сражениях с контрреволюционными формированиями, в том числе бандой Махно, в боях в районе города Корочи был два раза ранен. Советская власть набирала силу и укреплялась, война закончилась победой большевиков и в 1922 году, вернувшись в свое село, Стефан, придя в дом Евдокии Потаповой, остался жить у неё. Через два года у них родилась дочь, а еще через два – сын, назвали его Николаем.

Любить своё Отечество, свою страну, вовсе не означает уважения к тем, кто ей управляет. Стефан любил свою родину, но власть, отнявшую у него здоровье и самые лучшие годы жизни, возненавидел. Все что она предлагала – считал «бесовским» и отвергал. Вообще любая власть это насилие в лице государственных органов, диктующих свою волю, но такого ярко выраженного цинизма его душа не принимала. В 1922 страна объявила о новом государственном устройстве. Был образован СССР, социалистическая страна, с перспективой построения светлого будущего – коммунизма, где основным принципом провозглашалось: от каждого по способности, – каждому по потребности. Стефан хоть и был неграмотным, закончил два класса церковно-приходской школы и ликбез (ликвидация безграмотности), но в его сознании никак не укладывалось, почему в такое «светлое будущее» людей гонят принудительно, когда как в законе продекларирована добровольность. Не понимали этого и его подрастающие дети.

В стране, измотанной голодом, разрухой, гражданской войной и лишениями светлое будущее уже было построено для отдельно взятой правящей верхушки во главе с партией большевиков. Чтоб чего – то достичь в этой жизни, нужна была принадлежность к партии, тогда можно было двигаться дальше по партийной и служебной лестнице. Многие вступали в партию, понимая, что без этого никуда. Многие. Но не Стефан. И когда началась коллективизация, образование колхозов категорически отказался вступать в колхоз, не мог он терпеть этой фальши и обмана. От получения паспорта (раньше вместо паспортов были трудодни) также отказался, всем своим внутренним существом протестуя против навязывания непонятных документов с атрибутами новой «бесовской» власти.

– При царе жили люди без всяких «пачпортов» и ничего, так на кой он мне? вопрошал Стефан. Так и жил он без паспорта всю свою жизнь и это наложило впоследствии свой негативный отпечаток и добавило мытарств, когда уже в преклонном возрасте встал вопрос социального обеспечения.

Подрастали дети, а обещанное светлое будущее так и не наступало, жили бедно, многие ходили с сумой и побирались по деревням и сёлам, кто, что даст на пропитание, вспоминая, как свободно жилось при царе. Зато, партийная верхушка жировала и укреплялась. Появилось такое понятие как дефицит. Только партийные боссы не испытывали нужды ни в чём, жили за чужой счёт, будучи прикрепленными к специальным распределителям питания, лечения,

отдыха, попутно вещая людям про светлое будущее, а слово «достать» укоренилось среди простых людей. Тех, кто мог что-то «достать» из того, чего не было в продаже, очень уважали. Появлялась спекуляция, которой власть как будто не замечала.

Но это с обывательской точки зрения. В масштабах же всей страны после революции и гражданской войны партия и правительство взяло курс на индустриализацию. Строились новые заводы, фабрики. В колхозы и совхозы стали поступать первые тракторы и оборудование к ним для возделывания земель. Страна постепенно приходила в себя от потрясений, развивая ударными темпами строительство, промышленность, сельское хозяйство, науку. Развивалась электрификация, транспортная инфраструктура, строились автомобильные, железные дороги, проектировался метрополитен, осуществлялась добыча угля и других ископаемых. Строились предприятия и школы, укреплялись органы государственной власти и управления, менялись руководители. Страна Советов, высокой ценой отстояв свои революционные завоевания, создала, налаживала мирную жизнь своих граждан под руководством товарища Сталина. Но жить в мире оставалось совсем недолго.

Глава 4. Николай

Сообщение советского информбюро о начале войны с Германией не было для крестьян неожиданностью. Народ – то в деревне поговаривал, что быть войне, но до последнего надеялись, что её не будет. Стефан не ждал, когда за ним придут, а пошёл записываться добровольцем на фронт, был приписан к мотопехотному полку и отправлен в воинскую часть, сформированную под Москвой. Через год, следом за ним отправился и Николай. Он был не призывник еще, но добавив себе год, тоже ушёл добровольцем и попал в гвардейский краснознамённый Котельниковский танковый корпус, где поступил на обучение в полковую танковую школу. По возрасту, да и по росту он был моложе и ниже всех, но это никак ему не мешало познавать военное дело. Он очень полюбил службу в Армии, ему нравилось носить военную форму. Пряжка ремня и сапоги у него блестели всегда как зеркало. Он любил изучать армейскую технику и воинские Уставы, оружие, и когда принял присягу, ему уже доверяли винтовку, он умел ее разбирать и чистить, а на физической подготовке всегда показывал хорошие результаты, так как много занимался на спортивных снарядах. В мечтах у него было поступить в военное училище и стать офицером. Как-то раз он, было, заикнулся перед замполитом об этом.

– В училище, стало быть, хочешь? спросил майор Симаков.

А, знаешь ли, что не каждого туда принимают? Нужно сначала хорошо учиться в школе, сдать экзамены, математику и многое другое. Сможешь ли? Ну, вот например, напиши мне два в квадрате умножить на...

Никола взял карандаш, нарисовал квадрат и в нём цифру два.

– Эх, чудак ты, чудак, – рассмеялся майор Симаков, не знаешь даже этого! Какое тебе училище, хотя желания и упорства у тебя не занимать. Ладно, поживём – увидим.

Война началась для Никола в пулеметной роте, куда его зачислили, на танке повоевать не пришлось, так как не было еще восемнадцати. Он был уже в звании младшего сержанта, когда его часть передислоцировали на Украину в район Киева. Советские войска расположились в одной из деревень, и личный состав занимался каждый своим делом. В этой войсковой части был уполномоченный особого отдела майор Вассерштейн. По долгу своей службы и порой не в меру усердно, он выискивал среди военных «вражеских элементов» с пристрастием их допрашивал и если были хоть малейшие подозрения, то провинившихся потом никто не видел. За это и ненавидели его солдаты, сделать ему пакость было делом чести. Как-то раз стоял Никола в наряде, выполнял обязанности дежурного по роте. День был солнечный и жаркий, поэтому хотелось выйти на свежий воздух. На улице в курилке сидели солдаты, работающие по уборке территории. Никола подошёл к ним, когда они о чём – то оживленно разговаривали. Недалеко от них курил папиросу майор Вассерштейн, расхаживая туда – сюда. Один из солдат, кивком указывая на «особиста», сказал Николаю, давай подшутим над ним, крикни «Воздух». Никола что есть мочи крикнул. Вассерштейн, ранее был под бомбежкой и слегка контужен. Он по привычке, не разобравшись, упал на живот и пополз под стоящую рядом скамейку под оглушительный хохот солдатни. Через полминуты поняв, что тревога была ложной он встал, указывая пальцем на Николая, сказал:

– Ну ладно, сучонок, я тебя проучу. Николаю стало не по себе, хотя он не придавал большого значения словам особиста, а зря. Вассерштейн был очень мстительным, и не хотел понять, что инициатором этой акции были солдаты, намного старше Никола, но его это не волновало. А Николай, через какое – то время забыл об этом инциденте.

В очередной раз, когда он стоял в наряде по роте, остальные военнослужащие находились на парково-хозяйственном дне. Кто-то обслуживал технику, кто-то чистил оружие, каждый занимался согласно плану. Вдруг совсем близко послышался гул.

Подняв голову, Николай увидел низколетящий самолет с крестами на крыльях и фюзеляже. Это был немецкий транспортник. Немцы, очевидно, знали, что поблизости нет аэродрома, откуда могли быть подняты истребители, поэтому не боялись и нагло летали, настолько низко, что пилот был виден в кабине. У Николя промелькнула мысль, а что если самолет сейчас улетит, и через какое – то время прилетит уже не один, и тогда будут бомбить. Зенитной артиллерии в полку тоже не было – зачем она ведь есть танки. Но из них по самолету не выстрелишь. Нет, он не должен уйти! Вскинув винтовку и прицелившись, Никола выстрелил, затем еще раз. Самолет вдруг резко сделал крен в сторону, стал, заваливаясь набок быстро падать. Только тогда Николай понял, что попал в легчика. Через несколько секунд раздался грохот взрыва. К Николе уже бежали сослуживцы, а сам он ликовал.

– Подбил «немчуру»!

– Да, мы видели, как ты стрелял! Ну, молодец!

Через несколько минут прибыл дежурный офицер капитан Стегачёв.

– Ну, дал ты ему как следует! Ребята видели, как ты его завалил! Молодец, готовь дырку под орден! Никола был вне себя от радости, видел, как завидовали ему солдаты, которые были намного старше его. Наконец – то он отличился и вот уж в перспективе награда, да не какая – нибудь, а орден Красной звезды!

На следующее утро Николу вызвали сначала к начальнику штаба, а затем к командиру полка полковнику Разенкину. Тот начал прямо с порога:

– Так что говоришь, немецкий самолет подбил?

– Так точно! Ответил Николай.

– Да брось ты! Как ты мог попасть?

– Из винтовки два раза выстрелил!

– Ладно, иди! Сказал Разенкин, разберёмся.

Радость у Николя постепенно сходила на нет. Он понимал, что ему, почему- то не желают верить, хотя все видели произошедшее.

Через две недели зачитали приказ о награждении командира полка Разенкина орденом Красной Звезды за сбитый самолет. Николаю было обидно до слёз. Он впервые за всю службу понял что такое несправедливость и то, что ему преподавали в танковой школе об офицерской чести вмиг превратилось в ничто! Нет, её этой чести! Во всяком случае, здесь и сейчас.

Замполит майор Симаков виновато как – то сказал:

– Ничего не понимаю! представление на награждение лично на тебя писал!

Но Николаю было теперь все равно. Однако еще через неделю ему присвоили звание сержанта внеочередное, видимо, замполит, стараясь как-то сгладить эту историю, сделал всё что мог. Но осадок остался надолго.

Глава 5. Наступление

Войсковая часть, где служил Николай, готовилась к наступлению.

В спешном порядке проверялась техника, орудия, тылы подтягивали боеприпасы и материальное обеспечение, протягивали полевую связь, штабы формировали карты и готовили соответствующие приказы. Активизировалась полковая и фронтовая разведка. Никола еще не был на передовой и не знал, что такое идти в атаку, поэтому не понимал, почему так сильно нервничают бывалые солдаты. Но бог миловал Николая. В атаку ему так и не пришлось идти и это, наверное, спасло ему жизнь, так как в битве за Киев погибло большинство военнослужащих его полка.

Рано утром немецкие войска начали массированную артиллерийскую подготовку. Снаряды рвались совсем рядом, и появлялось ощущение, что ничего живого не останется. Обстрел велся из орудий и минометов, круша фортификационные сооружения. От взрывов закладывало уши и казалось что голову сейчас разорвёт изнутри...

Николай вспомнил слова отца и молился сидя в окопе, читал «Живые помощи». Совсем близко от него разорвался снаряд, убив на его глазах сразу пятерых солдат, обдав его горячей волной смерти. Никола продолжал молиться, хотя понимал, шансов совсем мало.

Артподготовка длилась около тридцати пяти минут. Осколки вражеских снарядов и мин вспахивали землю так, что уцелеть, находясь вне укрытия можно было только чудом. Несколько танков было повреждено прямыми попаданиями.

Наконец стало стихать, взрывы прекратились. Подбитую технику, которую можно было починить, отбуксировывали для ремонта. Санитары собирали погибших и раненых. Кому можно было ещё помочь, отправляли в госпиталь. Некоторые, тяжелораненые сами решали свою судьбу. Один из солдат застрелился у Николая прямо на глазах. Осколок мины угодил ему ниже пояса, изуродовав всё, что там было и он, достав трофейный пистолет, после душевраздирающей тирады о том, как ему с этим теперь жить, выстрелил себе в висок.

Впервые Николай осознал, что жизнь человека гроша ломаного не стоит. Впереди еще было кровавое сражение, которое будет проиграно Красной армией, много людей в том бою будет убито. От полка останется жалкая горстка солдат и офицеров, но благодаря сохранности знамени полк не будет расформирован, а получив пополнение, вновь продолжит битву с врагом. Но сейчас всего этого Николай не увидит...

Как только стихли последние взрывы, стало понятно, что противником напрочь повреждены линии полевой связи. Повреждения нужно было срочно найти и ликвидировать. Для этой задачи майор Симаков хотел отправить трёх солдат отделения связи, однако, выяснив, что двое из них погибли, спросил, кто сможет пойти со связистом в помощь. Николай тут же отозвался:

- Разрешите, я пойду.
- Да, Таранцев, идите! сказал Симаков.
- Связь со штабом нужна как можно быстрее!
- Есть, товарищ майор!

Никола со связистом, взяв запас провода в катушках, телефонные трубки и всё необходимое для проверки связи выдвинулись в заданный район для поиска обрывов и их соединения. Через сорок минут связь была восстановлена, и начальник штаба передал информацию в полк. Николай с напарником возвращался назад, когда налетели немецкие самолеты. Затрещали пулемёты, и пули буквально срезая ветки кустарника, вспахивали дерн. Никола сначала почувствовал глухой удар в правое бедро, затем в том месте стало очень горячо, но до него не сразу дошло, что он ранен. Лишь заметив, рваное отверстие и окровавленную правую часть брюк, он всё понял. Только тогда дикая боль ринулась в нервные клетки сознания, скручивая

тело и не давая двигаться. Но нужно было идти, преодолевая её. Ткань одежды уже насквозь была пропитана кровью, в сапоге хлюпало, как в болоте... Голову кружило, от кровопотери стало тошнить, идти было неважно. Он стал передвигаться ползком. Доползёт ли он и сколько времени прошло, Николай не знал, как не знал и того, что его товарищ – связист убит. Пулеметная очередь прошла его грудную клетку в трех местах, одна из пуль угодила прямо в сердце...

Теряя сознание, он успел увидеть, как его подхватывают несколько пар рук, куда – то несут, лица становились расплывчатыми, и наступила полная темнота. Ему чудилось, что он дома и нет никакой войны, он лежит в теплой постели под ватным одеялом, но не понимал, почему чей-то голос рядом все время просит пить, зовет сестру...

Никола очнулся в палате окружного госпиталя далеко от передовой. Тут не было слышно стрельбы, разрывов снарядов и мин, зато туда-сюда сновали люди в белых халатах и офицеры, на петлицах у которых были эмблемы медицинской службы. Он лежал на спине, ощущая тупую боль в правом бедре, где-то возле ягодицы, в левом запястье. Голова раскалывалась от боли, вызванной высокой температурой, все тело было мокрым от пота, повернуться или встать не было сил, а когда попытался, боль тут же усилилась, и, прекратив всякие попытки двигаться, он беспомощно смотрел в потолок.

Придя в себя, он понял, где находится. Рядом на койке лежал раненый офицер и просил пить. На соседней – какой-то солдат звал сестру. Николай стал припоминать последние события, он восстанавливал связь... потом начался авианалёт... боль в бедре... он полз... мысли путались...

– Ну что жив, герой! Как себя чувствуешь? Никола повернул голову и увидел офицера медицинской службы в халате поверх форменной одежды. Это был капитан медслужбы Никитинский, который как выяснилось, его оперировал.

– Повезло тебе, если б не часы, остался бы ты брат без руки, сказал капитан. Николай ничего не понимал, ранен вроде в правое бедро... Он недоуменно смотрел на капитана, но тот уже пояснял:

– У тебя ДВА ранения. Когда везли в госпиталь, тебя снова ранило, на сей раз осколком. А это вот то, что от твоих часов осталось, возьми как талисман. Капитан протянул Николаю остатки часов Кировского завода, на помятой задней крышке виднелась гравировка: «Сержанту Таранцеву за отличную службу от командования»

– Так что жить будешь и ходить тоже, только сейчас вставать тебе запрещаю, а по нужде захочешь сестру зови.

Да кстати, вот тебе еще и осколки твои. Те, что смог извлечь, оставь на память. А те, что не смог... Никитинский встал.

– А сейчас отдыхай...

Николай закрыл глаза и попытался уснуть, но в памяти вставали воспоминания произошедшего, погибшие сослуживцы, застрелившийся солдат, обстрелы немецкой артиллерии.

...Понемногу он проваливался в сон, и ему опять снилось родное село и отчий дом. Разбудила его молодая медсестра, которая принесла какие-то порошки и велела их принять вовнутрь с водой, потом стала заворачивать одеяло, чтобы сделать укол и тут Николай понял, что лежит совсем без одежды. Ему стало немного не по себе. Медсестра видимо прочтала его мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.